УДК 316.022, 392.7

ПОЛИТИКА АРМЕНИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОТ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК ДО СПИСКОВ ПРИЗНАНИЯ

М. Р. ГАБРИЕЛЯН[1), 2)]***, Р. А. ЦАТУРЯН***[1), 2)]

[1)]*Ереванский государственный университет, ул. А. Манукяна, 1, 0025, г. Ереван, Армения*
[2)]*Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения, ул. Чаренца, 15, 0025, г. Ереван, Армения*

Аннотация. Анализируется политика Армении в сфере охраны нематериального культурного наследия в контексте формирования национальных перечней элементов наследия и включения этих элементов в списки ЮНЕСКО. Включение элементов наследия в национальные перечни и списки ЮНЕСКО рассматривается как механизм охраны и как форма символического признания, культурной репрезентации и институциональной легитимации наследия. На материале армянских заявок на включение элементов наследия в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества прослеживается, каким образом локальный культурный язык в процессе подготовки номинационных досье переводится на язык международных дискурсов, приобретая обобщенную, национально универсализированную форму. Отмечается, что включение элементов наследия в списки ЮНЕСКО является символическим направлением культурной политики, связанным с задачами репрезентации и повышения видимости наследия, а также с культурной дипломатией.

Ключевые слова: культура; ЮНЕСКО; конвенция; нематериальная культура; перечни; наследие; сохранение; Армения; независимость.

ПАЛІТЫКА АРМЕНІІ Ў СФЕРЫ АХОВЫ НЕМАТЭРЫЯЛЬНАЙ КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ: АД КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТЫК ДА СПІСАЎ ПРЫЗНАННЯ

М. Р. ГАБРЫЭЛЯН[1*, 2*]***, Р. А. ЦАТУРАН***[1*, 2*]

[1*]*Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. А. Манукяна, 1, 0025, г. Ерэван, Арменія*
[2*]*Інстытут археалогіі і этнаграфіі НАН Рэспублікі Арменія, вул. Чаранца, 15, 0025, г. Ерэван, Арменія*

Анатацыя. Аналізуецца палітыка Арменіі ў сферы аховы нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў кантэксце фарміравання нацыянальных пералікаў элементаў спадчыны і ўключэння гэтых элементаў у спісы ЮНЕСКА. Уключэнне элементаў спадчыны ў нацыянальныя пералікі і спісы ЮНЕСКА разглядаецца як механізм аховы і як форма сімвалічнага

Образец цитирования:
Габриелян МР, Цатурян РА. Политика Армении в сфере охраны нематериального культурного наследия: от культурных практик до списков признания. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2026; 3:47–56.
EDN: WSZUSE

For citation:
Gabrielyan MR, Tsaturyan RA. The Armenia's policy of intangible cultural heritage protection: from cultural practices to lists of recognition. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;3:47–56. Russian.
EDN: WSZUSE

Авторы:
Мхитар Размикович Габриелян – кандидат исторических наук; декан факультета истории, заведующий лабораторией этнографических и антропологических исследований Института социальных и гуманитарных исследований[1)], старший научный сотрудник отдела этнографии[2)].
Рузанна Артаковна Цатурян – преподаватель кафедры археологии и этнографии факультета истории[1)], научный сотрудник отдела этнографии[2)].

Authors:
Mkhitar R. Gabrielyan, PhD (history); dean of the faculty of history, head of the laboratory of ethnographic and anthropological research, Institute of Humanities Research[a], and senior researcher at the ethnography department[b].
m.gabrielyan@ysu.am
https://orcid.org/0009-0005-2698-6052
Ruzanna A. Tsaturyan, lecturer at the department of archaeology and ethnography, faculty of history[a], and researcher at the ethnography department[b].
r.tsaturyan@ysu.am
https://orcid.org/0009-0003-1213-2721

CC BY NC

прызнання, культурнай рэпрэзентацыі і інстытуцыйнай легітымацыі спадчыны. На матэрыяле армянскіх заявак на ўключэнне элементаў спадчыны ў Рэпрэзентатыўны спіс нематэрыяльнай культурнай спадчыны чалавецтва прасочваецца, якім чынам лакальная культурная мова ў працэсе падрыхтоўкі намінацыйных дасье перакладаецца на мову міжнародных дыскурсаў, набываючы абагульненую, нацыянальна ўніверсалізаваную форму. Адзначаецца, што ўключэнне элементаў спадчыны ў спісы ЮНЕСКА з'яўляецца сімвалічным напрамкам культурнай палітыкі, звязаным з задачамі рэпрэзентацыі і павышэння бачнасці спадчыны, а таксама з культурнай дыпламатыяй.

Ключавыя словы: культура; ЮНЕСКА; канвенцыя; нематэрыяльная культура; спадчына; спісы; захаванне; Арменія; незалежнасць.

THE ARMENIA'S POLICY OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE PROTECTION: FROM CULTURAL PRACTICES TO LISTS OF RECOGNITION

M. R. GABRIELYAN[a, b]***, R. A. TSATURYAN***[a, b]

[a]*Yerevan State University, 1 A. Manukyana Street, Yerevan 0025, Armenia*
[b]*Institute of Archaeology and Ethnography,*
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
15 Charents Street, Yerevan 0025, Armenia

Corresponding author: M. R. Gabrielyan (m.gabrielyan@ysu.am)

Abstract. This article analyses the Armenia's policy of intangible cultural heritage protection in the context of the development of national inventories of heritage elements and their inscription on UNESCO lists. The inclusion of heritage elements on national and UNESCO lists is examined as a safeguarding mechanism and a form of symbolic recognition, cultural representation, and institutional legitimation of heritage. Using Armenian nominations for the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity, it explores how local cultural language is translated into the language of international discourses during the preparation of nomination dossiers, acquiring a generalised, nationally universalised form. The inclusion of elements on UNESCO lists is viewed as a symbolic aspect of cultural policy, linked to the objectives of representing and enhancing the visibility of heritage, as well as to cultural diplomacy.

Keywords: culture; UNESCO; convention; intangible culture; heritage; lists; preservation; Armenia; independence.

Введение

Конвенция об охране нематериального культурного наследия[1] (далее – Конвенция) была принята ЮНЕСКО 17 октября 2003 г. Ее принятие стало ключевым этапом в формировании глобальной культурной политики в сфере охраны нематериального культурного наследия. В настоящей статье эта политика рассматривается не просто как совокупность нормативных документов и управленческих процедур, а как социальная арена, в рамках которой взаимодействуют и договариваются различные акторы: государственные структуры, эксперты, исследователи и носители наследия. Такой подход позволяет показать, каким образом международные категории, термины и принципы в сфере охраны нематериального культурного наследия приобретают локальные значения, наполняются специфическим социальным и политическим содержанием. Опираясь на результаты проведенных исследований, авторы настоящей статьи показывают, что политика Армении в сфере охраны нематериального культурного наследия может быть охарактеризована как гибридный режим, в рамках которого международные стандарты и локальные практики взаимодействуют через структуры власти, знания и символического капитала.

Теоретической рамкой исследования выступает концепция авторизованного дискурса наследия, предложенная Л. Смит [1]. В соответствии с данной концепцией наследие рассматривается не как объективно существующая категория, а как результат дискурсивных и институциональных процессов, в которых доминирующую роль играют определенные группы акторов. Международную и национальную политику Армении в сфере охраны нематериального культурного наследия авторы настоящего исследования анализируют с позиции данного подхода, при этом сама политика понимается как особая форма культурной практики. В контексте регулятивных механизмов ЮНЕСКО наследие определяется и интерпретируется акторами,

[1]Конвенция об охране нематериального культурного наследия // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml?ysclid=mszvgrf8oq328840699 (дата обращения: 01.03.2026).

обладающими ресурсами власти (экспертами, исследователями, представителями государственной бюрократии). Эти акторы, опираясь на установленные ЮНЕСКО критерии и процедуры, действующие как механизмы институционального регулирования, определяют, что именно на локальном уровне признается наследием, каким образом оно должно быть описано, представлено и сохранено. Только в процессе подготовки номинационных досье конкретный элемент наследия получает возможность участвовать в национальных и международных конкурсах на признание в качестве нематериального культурного наследия. Несмотря на то что в Конвенции ключевая роль отводится носителям наследия, которые формально могут выражать согласие или несогласие с включением элементов наследия в различные перечни, ЮНЕСКО взаимодействует исключительно с государственными органами. В связи с этим определение реальной роли носителей наследия остается в компетенции авторизованного дискурса и институтов, обладающих правом представительства. Вместе с тем данный теоретический подход также может быть предметом критического обсуждения. Даже в условиях формального участия носителей культурных практик политика в сфере охраны нематериального культурного наследия обладает потенциалом для инициирования процессов переосмысления локальных культур, а также может выступать триггером для появления новых исследовательских направлений и форм локальной рефлексии.

Другой теоретический подход, используемый в данном исследовании, связан с антропологическим анализом политики. В рамках этого подхода политика рассматривается не только как совокупность нормативных документов, но и как особый процесс переговоров, в котором задействованы специфические культурные языки, символические формы и структуры. В настоящей статье анализируется, каким образом стремление к включению в международную повестку и глобальные механизмы регулирования формирует необходимость перевода локального культурного языка на язык международных дискурсов. Этот процесс перевода, в свою очередь, имеет двойственный характер и порождает как возможности для повышения видимости и институционального признания локальных культурных практик, так и новые формы символического и административного контроля.

С учетом данных теоретических оснований проведен анализ национальных и международных документов, регулирующих политику в сфере охраны нематериального культурного наследия. Культурная политика, как институционализированное отношение государства к культуре, является важной составляющей государственной политики и существенно различается от страны к стране [2; 3]. При анализе подходов к культурной политике стран Южного Кавказа (Армения, Грузия, Азербайджан), а также других республик бывшего СССР принципиально важно учитывать советское наследие в сфере управления культурой, а также институциональные и идеологические трансформации, начавшиеся после распада СССР [4–9]. Культурная политика являлась одной из ключевых составляющих советской политики. Идеи культурной революции и борьбы с пережитками прошлого формировали повестку как на общесоюзном, так и республиканском уровне. Проект создания «советского человека», к реализации которого стремилось государство, предполагал прежде всего воспитание носителя новой культуры, обладающего нормативно заданными ценностями, моделями поведения и представлениями о социально допустимом поведении. Эти установки целенаправленно транслировались и закреплялись через систему образования, деятельность культурных учреждений и массовые практики уже на ранних этапах социализации человека [10–12].

Распад СССР и создание независимых государств привели к глубоким трансформациям в сфере культурной политики. Армения не стала исключением: в стране были пересмотрены базовые принципы государственной культурной политики и подходы к управлению культурным наследием.

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования является качественный анализ политики в сфере охраны нематериального культурного наследия, основанный на антропологическом подходе. В рамках данного подхода внимание сосредоточено не только на содержании нормативных документов, но и на логике их производства, интерпретации и применения, а также на тех формах знания и представительства, которые институционально закрепляются в процессе реализации политики.

Эмпирическую базу исследования составляют национальные и международные нормативно-правовые и методические документы. В частности, анализируются положения Конвенции, операционные директивы и методические материалы, национальное законодательство Армении, подзаконные акты и методические рекомендации по формированию национальных перечней нематериального культурного наследия и подготовке номинационных досье для представления в ЮНЕСКО. В корпус источников также включены формы заявок, критерии отбора элементов наследия, инструкции по подготовке номинаций, используемые в рамках национальных процедур включения элементов в перечни. Дополнительным эмпирическим источником стали материалы, содержащие информацию об исследовательском и экспертном участии авторов данного исследования в процессах формирования и реализации политики Армении в сфере охраны

нематериального культурного наследия. Они включают наблюдения за практиками инвентаризации, экспертными обсуждениями, подготовкой национальных и международных номинационных досье, накопленные в ходе деятельности авторов в 2018–2024 гг. В частности, Р. А. Цатурян участвовала в подготовке номинационных досье на элементы нематериального культурного наследия Армении, что рассматривается как форма включенного наблюдения и рефлексивного анализа институциональных процедур.

Результаты и их обсуждение

Национальное собрание Республики Армения ратифицировало Конвенцию в 2006 г. Конвенция, как базовый документ в сфере охраны нематериального культурного наследия, предусматривает реализацию присоединившимися странами конкретных действий и мероприятий. Так, ст. 11 Конвенции определяет роль государств-участников следующим образом: «Каждому государству-участнику надлежит… принимать необходимые меры для обеспечения охраны нематериального культурного наследия, имеющегося на его территории… в рамках мер по охране, указанных в пункте 3 статьи 2, идентифицировать и определять различные элементы нематериального культурного наследия… при участии сообществ, групп и соответствующих неправительственных организаций»[2]. Одним из ключевых инструментов реализации Конвенции является формирование национальных перечней нематериального культурного наследия. Таким образом, Конвенция обязывает присоединившиеся страны адаптировать международную политику, создавая национальные (местные) инструменты и механизмы охраны нематериального культурного наследия.

После ратификации Конвенции последовало создание необходимого национального инструментария для реализации ее положений. 7 октября 2009 г. был принят закон «О нематериальном культурном наследии»[3], который адаптирует основные положения Конвенции к местной специфике. Хотя армянский закон и является локальным откликом на Конвенцию, в своем наименовании он не содержит слова «охрана». Функция охраны отражена непосредственно в тексте закона. В законе определяются области его применения: фольклор; народная музыка; народный танец; народный театр; народные праздники; обычаи, связанные с жизненными циклами человека; обычаи, связанные с общественными, родственными и семейными отношениями; национальные верования и обрядовые практики и др.[4] После принятия закона были разработаны методологические подходы к классификации элементов нематериального культурного наследия и критерии, используемые для включения этих элементов в перечни [13]. В соответствии с законодательством Армении в сфере охраны нематериального культурного наследия используются три типа перечней: 1) перечни нематериального культурного наследия; 2) перечни нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране; 3) перечни культурных пространств. Согласно установленным критериям подготовка заявки на включение того или иного элемента наследия предполагает проведение исследовательской работы, направленной на поиск его научного и обобщенного наименований, локальных названий, информации о носителях и сфере бытования, а также на создание краткой исторической справки о формировании элемента и его упоминаниях в различных источниках. Кроме того, требуется собрать данные о современном состоянии элемента наследия, факторах, представляющих угрозу для его дальнейшего существования, функциях, культурном, экономическом и социальном значении, процессах развития и трансформации, а также предоставить подробную характеристику.

Локальные перечни должны были создать формальную возможность для привлечения внимания к местному культурному наследию и его последующего мониторинга через международную оптику. Согласно Конвенции для включения элемента наследия в государственные перечни ЮНЕСКО необходимо заранее обеспечить его охрану на национальном уровне. Лишь после выполнения этого условия элемент может быть представлен для включения в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества, Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране, или Реестр передового опыта по сохранению нематериального культурного наследия. Соблюдение данного регламента стало для государств обязательным условием для включения элементов наследия в так называемые списки признания.

Роль списков признания в сфере охраны нематериального культурного наследия. После присоединения к Конвенции в Армении было составлено два перечня нематериального культурного наследия: 1) перечень нематериального культурного наследия; 2) перечень нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране. Первый

[2]Конвенция об охране нематериального культурного наследия // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml?ysclid=mszvgrf8oq328840699 (дата обращения: 01.03.2026).

[3]О нематериальном культурном наследии : Закон Респ. Армения, 7 окт. 2009 г. // ARLIS : сайт. URL: https://www.arlis.am/hy/acts/54526 (дата обращения: 01.03.2026) (на арм.).

[4]Там же.

перечень включает 68 элементов наследия. Он охватывает 13 областей культуры:

1) фольклор (3 элемента);
2) народную музыку (8 элементов);
3) народный танец (4 элемента);
4) народные праздники (8 элементов);
5) обычаи, связанные с жизненными циклами человека (6 элементов);
6) обычаи, связанные с общественными, родственными и семейными отношениями (1 элемент);
7) национальные верования и обрядовые практики (4 элемента);
8) национальную кухню (13 элементов);
9) знания о природе (2 элемента);
10) навыки, связанные с хозяйственной жизнью (3 элемента);
11) знания, связанные с традиционными ремеслами (12 элементов);
12) национальный язык (3 элемента);
13) национальные игры (1 элемент).

Включение элемента наследия в данный перечень представляет собой строго формализованный и регламентированный бюрократический процесс. Несмотря на то что обоснование значимости элементов наследия в рамках Конвенции требует их признания носителями, сам процесс включения элемента в перечень остается государствоцентричным. Это обстоятельство обусловливает приоритет включения легитимного, официального знания, а также институциональное переосмысление знаний, формулируемых носителями наследия.

Формированию рассмотренного перечня нематериального культурного наследия предшествовала разработка методических критериев и процедур включения в него элементов. Предложения по включению элементов в данный перечень в большинстве случаев представлялись в виде экспертного знания, в результате чего они были ориентированы на наиболее узнаваемые и репрезентативные компоненты армянской культуры, обладающие высоким символическим потенциалом.

В вышеуказанный перечень входят фактически все элементы нематериальной культуры, которые функционируют на территории Армении. Периодически данный перечень обновляется. Требование регулярного обновления перечней, вытекающее из регламентов ЮНЕСКО, в определенном смысле представляет собой позитивное институциональное принуждение участников Конвенции, формирующее у них более внимательное отношение к элементам нематериального культурного наследия.

Второй перечень включает элементы наследия, которые находятся в опасности и подлежат срочной охране. В данный перечень входят 32 элемента наследия. Он охватывает 8 областей культуры:

1) фольклор (3 элемента);
2) народную музыку (9 элементов);
3) народные праздники (1 элемент);
4) народный театр (2 элемента);
5) знания о природе (3 элемента);
6) национальную кухню (3 элемента);
7) национальные игры (4 элемента);
8) знания, связанные с традиционными ремеслами (7 элементов).

Этот перечень оказался одним из наиболее сложных для наполнения, поскольку было необходимо сместить акцент с авторитетности элементов наследия на их уязвимость. Сама Конвенция изначально была принята как инструмент устранения рисков, угрожающих фольклору и накопленному человечеством культурному опыту. Одним из первых элементов, включенных в Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране, стал представленный Беларусью обряд «Колядные цари», или «Рождественские цари» (2009).

Функционирование нематериального культурного наследия зависит от многих факторов: особенностей исторической памяти, природного и культурного ландшафта, политики, возможностей носителей наследия сохранить и передать его. Армянская культура прошла сложную эволюцию. Со второй половины XIX в. развитие армянской культуры зависело от политической ситуации. Культура на территории Восточной Армении, которая входила в состав Российской империи, оказалась в лучшей ситуации, чем культура на территории Западной Армении, которая входила в состав Османской империи и находилась под сильным прессом турецкой политики. Армянские погромы и геноцид в Османской империи в 1915 г. поставили под сомнение сам факт возможности функционирования культуры на исторической родине. Культура «переместилась»: часть спасшихся от геноцида армян сформировали диаспору, а часть армян обосновались на территории Российской империи, которая позже вошла в состав Первой Республики Армения и Советской Армении. Этот процесс привел к уничтожению огромной части материальной культуры на территории Западной Армении, а также оказал сильное влияние на механизмы сохранения и передачи нематериального культурного наследия. В советский период под воздействием процессов индустриализации и урбанизации, а также господствующей идеологии различные области армянской народной культуры тоже понесли существенные утраты. Модель советской культурной политики, основанная на представлении о государстве как об архитекторе культуры, по инерции продолжала воспроизводиться и в последующий период, однако новые институциональные возможности, а также политические и социальные трансформации не столько компенсировали, сколько в ряде случаев дополнительно усложняли задачу сохранения нематериального культурного наследия. Данная модель культурной политики не исчезла с распадом СССР. Сформированный

в советское время институциональный хабитус управления культурой продолжает определять ожидания как государственных структур, так и экспертного сообщества в отношении ведущей роли государства в сфере охраны нематериального культурного наследия. В результате именно экспертно-административные структуры рассматриваются как легитимные посредники между локальными носителями наследия и международными институтами, включая ЮНЕСКО. Такая исторически обусловленная ориентация на государственную опеку и экспертное посредничество объясняет сохраняющуюся государствоцентричность современной политики Армении в сфере охраны нематериального культурного наследия.

В то же время применение логики авторизированного дискурса наследия к армянскому контексту не предполагает жесткого противопоставления экспертного знания и представлений носителей наследия. В ряде случаев наблюдается значительное сходство экспертных интерпретаций и локальных восприятий практикующих сообществ. Носители наследия нередко разделяют и воспроизводят экспертное мнение о ценности, уникальности и значимости традиций, а также активно участвуют в подготовке номинационных досье. Тем не менее даже при наличии такого сходства отбор, формулирование и признание элементов нематериального культурного наследия остаются в компетенции экспертно-административных структур. Следовательно, армянские списки признания формируются в условиях структурной асимметрии.

Элементы нематериальной культуры Армении, вошедшие в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества. Различные списки и реестры нематериального культурного наследия призваны служить сохранению культурного наследия. Однако нередко для государства они превращаются либо в списки гордости, либо в формальные документы, становясь аргументом в пользу присоединения к Конвенции. Между тем исследователи отмечают, что, когда тот или иной элемент наследия включается в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества, он превращается в метакультурный артефакт. Инвентаризация и последующая объективация культурного феномена трансформируют его восприятие исключительно как элемента локальной культуры [10, с. 166–169]. Включение элемента наследия в список является весьма наглядным, малозатратным и наиболее удобным для правительств способом сделать что-либо символом страны. Однако этот процесс четко регламентирован[5].

В настоящей статье элементы наследия Армении, представленные в Репрезентативном списке нематериального культурного наследия человечества, рассматриваются в последовательности их включения в данный перечень. Такой порядок позволяет проследить не только институциональную динамику участия Армении в реализации положений Конвенции, но и изменения в принципах репрезентации элементов наследия, подходах к формулированию этих принципов и аргументации значимости элементов.

Первым достоянием нематериальной культуры Армении, включенным в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества, стал элемент наследия «Дудук и его музыка» (2008). Еще в 2001 г. данный элемент вошел в список, составленный в рамках программы ЮНЕСКО «Шедевры устного и нематериального культурного наследия». Фактически эта программа предшествовала Конвенции. В ее рамках отобраны 90 элементов, которые впоследствии были перенесены в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества.

Армянский народный инструмент дудук является одним из важных составляющих идентичности не только для коренных армян, но и для армянской диаспоры. Музыка дудука звучит фактически на всех мероприятиях, включая праздничные и поминальные. Лучших музыкантов-дудукахаров знает вся Армения, дудук продается во всех сувенирных магазинах и обязательно предлагается туристам как национальный армянский инструмент. На одной из центральных улиц Еревана стоит памятник легендарным дудукахарам – Дживану Гаспаряну, Левону Мадояну и Вече Овсепяну[6].

В 2010 г. в рассматриваемый список был включен знаковый для армян элемент наследия «Искусство армянских камней-крестов. Символика и мастерство изготовления хачкаров». Хачкар[7] известен в армянской культуре с раннего Средневековья [14; 15, с. 10–73]. В советский период в силу политики атеизма изготовление хачкаров фактически

[5]Report of the expert meeting on criteria for inscription on the lists established by the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. Paris, 5–6 December 2005 / UN Educ., Sci. and Cult. Organ. // UNESCO : website. URL: https://ich.unesco.org/doc/src/00035-EN.pdf (date of access: 01.03.2026).

[6]Памятник Дживану Гаспаряну и двум другим великим армянским дудукистам открылся в Ереване // Агентство международной информации «Новости-Армения» : сайт. URL: https://newsarmenia.am/news/armenia/pamyatnik-dzhivanu-gasparyanu-i-dvum-drugim-velikim-armyanskim-dudukistam-otkrylsya-v-erevane/ (дата обращения: 24.02.2026).

[7]Хачкар представляет собой вертикальную каменную стелу, воздвигнутую на открытом воздухе, с точной ориентацией по четырем сторонам света. Западная плоская поверхность хачкара занята центральным крестом, украшенным растительными и геометрическими орнаментами, а иногда и композициями, включающими изображения птиц, животных и человеческие скульптурные рельефы [13; 14]. Хачкар является результатом оригинального развития армянской культуры, одним из наиболее характерных символов армянской идентичности. Благодаря своим великолепной скульптурной композиции, символике искупления, воплощенной в кресте, расположению под открытым небом и ощущению вечности, навеянному камнем, хачкар был самым ценным и доступным священным объектом для армянских верующих.

прекратилось или было ограничено религиозной сферой. В 1990-х гг. началось возрождение искусства изготовления хачкара не только как надгробного камня. Он стал символом непрерывного сохранения армянской идентичности и целостности армянской культуры. Трепетное отношение к сохранившимся хачкарам привело к популяризации этого элемента армянской культуры. Начиная со второй половины 1980-х гг. стали изготавливаться новые хачкары. Как правило, новые хачкары ставятся в память о каком-нибудь человеке или событии: геноциде армян, погромах в Сумгаите или Баку, карабахской войне, погибших солдатах и т. д. Много хачкаров возводят представители армянской диаспоры. За последние десятилетия новые хачкары были поставлены фактически во всех армянских общинах (от армянских общин в России до армянских общин в США). Сегодня хачкары также используются как надгробные камни[8] [14; 15].

В 2012 г. ЮНЕСКО зарегистрировало элемент наследия «Исполнение армянского эпоса “Сасунские удальцы”, или “Давид Сасунский”». В 1939 г. не только в Советской Армении, но и во всем СССР было торжественно отмечено тысячелетие армянского эпоса. Начиная со второй половины XIX в. армянские этнографы и фольклористы собрали сотни вариантов эпоса на разных диалектах. Проводились международные конференции, посвященные данной теме, а исследованием разных аспектов армянского эпоса занимались не только специалисты из Армении, но и ведущие исследователи со всего мира. Данный факт доказывает, что эпос и знания о нем тесно связаны с национальной идентичностью. Таким образом, его включение в перечень мирового наследия неслучайно.

В 2014 г. в список был включен элемент наследия «Лаваш: приготовление, значение и бытование традиционного хлеба как выражение культуры Армении»[9]. В этнографических исследованиях доказано, что национальная кухня играет важнейшую роль в сохранении и передаче идентичности народа, а многие составляющие этой кухни считаются традиционными компонентами культуры [16, с. 189–254; 17, с. 233–247; 18]. Исследователи отмечают, что «…традиционная пища армян, как и у всех народов мира, формировалась в тесной связи с преобладающим среди них хозяйственно-культурным типом, представляющим на Армянском нагорье сочетание пашенного зернового земледелия с отгонно-пастбищным и оседлым скотоводством. В соответствии с этим в национальной пище армян… сочетаются растительные (зерновые) и животные (мясо-молочные) продукты» [19, с. 119]. Лаваш распространен во многих регионах Советской Армении, а также на территории Западной Армении. Техника и культура приготовления лаваша на территории Армянского нагорья имеют долгую историю [18; 19, с. 119–120]. Известные этнографы С. А. Арутюнов и Ю. И. Мкртумян в статье «Вершина хлебопечения – лаваш» описывают отношение к хлебу в армянской культуре следующим образом: «Уважительное, даже благоговейное отношение к хлебу – одна из традиций армянской культуры, но в отношении к лавашу эта традиция проявляется особенно ярко в сравнении с отношением к подовому хлебу массового производства» [18, с. 201].

В течение многих веков в жизни армян важную роль играла традиционная танцевальная культура. Средневековые источники и этнографические материалы свидетельствуют о распространении среди армян десятка танцев. С важной ролью танца связана также подача заявки на включение элемента наследия «Кочари. Традиционный групповой танец» (2017) в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества. Кочари является традиционным групповым танцем, исполняемым во время праздников, торжественных событий, семейных церемоний и других мероприятий как на открытом воздухе, так и в помещениях. В данном танце могут участвовать все желающие независимо от пола, возраста или социального положения. Музыкальное сопровождение осуществляется с помощью традиционных духовых и ударных инструментов – зурны и дхола. Танцоры держатся за руки и двигаются синхронно, выстраиваясь в прямую или изогнутую линию; их ноги отбивают ритм, колени сгибаются, а плечи двигаются в такт музыке [20; 21]. Во время общественных мероприятий исполнение кочари обычно начинает небольшая группа желающих (до 10 человек), откликающихся на узнаваемую мелодию, которая воспринимается как приглашение к танцу. Зрители подбадривают танцоров, аплодируя в такт музыке. Согласно одной из интерпретаций первоначального смысла танца ритмичные удары ногами, синхронные движения рук и плеч, а также громкие возгласы призваны имитировать движения козлов, символизирующих плодородие природы и общины, гармоничные отношения человека с природой, а также идею единства армянского народа и его стремление к победе. Исполнение кочари традиционно является эмоциональной кульминацией семейных и общественных праздников. Армяне считают, что этот танец воплощает идентичность и солидарность народа, способствует сохранению и передаче исторической, культурной и этнической памяти [20; 21].

В 2019 г. в список был включен элемент наследия «Армянское буквенное искусство и его культурные проявления». Данный элемент наследия основан на армянском алфавите, созданном в 405 г. Месропом

[8]Этнографические материалы, использованные в статье, собраны авторами настоящего исследования в ходе полевых экспедиций, проведенных в период с 1996 по 2025 г. в Армении и Нагорно-Карабахской Республике.

[9]Лаваш – хлеб толщиной до 2–3 мм, выпекаемый в виде овального листа длиной 90–110 см, шириной 40–45 см, весом не более 250 г. Он быстро высыхает на воздухе и может долго храниться в сухом виде. Достаточно слегка спрыснуть его водой, завернуть в полотняную ткань, и через 15–20 мин его свежесть и гибкость восстановятся.

Маштоцем по принципу «одна буква – один звук». К 36 буквам алфавита позже были добавлены еще 3 буквы. Этот алфавит используется до сих пор. Таким образом, письменная культура армян имеет 16-вековую историю. В течение этого времени армянский язык прошел несколько этапов развития. Примерами армянского буквенного искусства являются прежде всего средневековые письменные памятники. Средневековая армянская миниатюра богата разными выражениями и образами письма. В армянских церквах данного периода также найдено чрезвычайно много каменных надписей. Многовековое искусство армянских букв представляет собой совокупность армянских письмен, богатую культуру украшения букв и их разнообразное использование в жизни людей, искусстве, науке и других сферах. Армянское буквенное искусство также отличается широким разнообразием орнаментальных стилей письма. Обычно они классифицируются по форме: узелковое, антропоморфное, зооморфное письмо и т. д. Подобные декоративные буквы и сегодня применяются в ковроткачестве, резьбе по дереву, скульптуре, вышивке, ювелирном искусстве и других сферах. Можно утверждать, что искусство армянских букв в различных культурных проявлениях проникло почти во все слои общества, а также в народное творчество и стало одним из важнейших выражений армянской культуры.

Как показывает проведенный анализ, для армянского контекста характерна устойчивая ориентация на репрезентацию элементов нематериального культурного наследия в обобщенной, национально универсализированной форме. Включение элементов наследия в национальные перечни и списки ЮНЕСКО, как правило, обусловлено необходимостью в их национальной символической репрезентации, в рамках которой культурные практики интерпретируются прежде всего как общенациональные маркеры культурной идентичности. В то же время данная логика нередко противоречит современной экспертной повестке ЮНЕСКО, ориентированного на локализованные, сообщественно центрированные и территориально укорененные описания элементов. В результате в процессе подготовки номинационных досье для большинства элементов наследия осуществляется институциональный перевод локального культурного языка на язык международных дискурсов, в рамках которого территориальная укорененность элементов наследия декларируется, однако их репрезентация сохраняет обобщенную, национально универсализированную форму. Однако в данной практике есть исключения. Первым исключением выступает армяно-иранский элемент наследия «Паломничество в монастырь Святого Фаддея», в рамках которого при описании и репрезентации нематериальной культуры структурообразующими становятся принципы локализованности и трансграничной укорененности. Вторым исключением является элемент наследия «Традиция кузнечного ремесла в Гюмри», в рамках которого локальная профессиональная среда и городское сообщество выступают в качестве ключевого смыслового и репрезентационного ядра.

Согласно политике ЮНЕСКО совместные заявки считаются приоритетными. В 2020 г. была зарегистрирована первая совместная заявка Армении и Ирана «Паломничество в монастырь Святого Фаддея». Популярное среди иранских армян ежегодное паломничество проводится на северо-западе Ирана, рядом с д. Кара-Келиса. Паломничество практикуется в очень символичном и значимом месте, которое в 2008 г. было включено правительством Ирана в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Армянский монастырский комплекс составляют монастырь Святого Фаддея, монастырь Святого Степаноса и часовня монастыря Дзордзор [22]. В Тебризе (Иран) расположена епархия армянской церкви, где собираются паломники перед посещением монастырского комплекса. Значимость этого места высока для всех армян, так как, по преданию, здесь захоронен святой Фаддей. Трехдневное паломничество к монастырю Святого Фаддея является ежегодным событием. Оно представляет собой общинное празднование, проводящееся в июле при участии армянских общин Ирана, Армении и других стран. Паломничество открыто для всех желающих. В Иране автобусы доставляют людей из Тегерана, Исфахана, Тебриза, Сельмаса и Урмии в монастырь. На месте ставятся сотни палаток для более чем 6 тыс. паломников. Паломничество посвящено двум выдающимся святым – святому Фаддею и святой Сандухт, первой христианской женщине-мученице. Поминальная церемония включает особые литургии, процессии, молитвы, проповеди и пост. Она завершается Божественной литургией (Святой мессой) с причастием и освящением воды.

В 2023 г. в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества был включен элемент наследия «Традиция кузнечного дела в Гюмри[10]» [23]. Кузнечное дело в Армении считалось одним из местных ремесел. Кузнецы из Гюмри являлись лучшими мастерами. В Гюмри городское кузнечное дело существенно отличалось не только от сельского кузнечного дела, но и от кузнечного дела других городов. Это обстоятельство было связано с тем, что, помимо изготовления необходимых бытовых принадлежностей, здесь большое внимание уделялось художественной обработке железа и виду изделий. В годы индустриализации кузнечные изделия были заменены фабричными, и кузнечное ремесло как таковое в Армении почти прекратило свое существование. В отличие от других мест в Гюмри благодаря устойчивым кузнечным традициям оно сохранилось.

[10]Гюмри – второй по величине город Армении, известный своими ремесленными традициями.

Заключение

Представленные элементы нематериального культурного наследия отражают эволюцию международной политики ЮНЕСКО. Если ранее в перечни нематериального культурного наследия включались шедевры культурного наследия определенной страны, то сейчас поощряются совместные заявки, а акцент смещается с универсализированных элементов наследия на территориально укорененные культурные практики (например, традиция кузнечного дела в Гюмри). Эти изменения трансформировали локальные культурные политики и одновременно стимулировали поиск новых смыслов и языков репрезентации культурного наследия в глобальной конкурентной среде. В то же время культурные практики, которые в локальных контекстах были узнаваемыми, понятными и не требовали специальных разъяснений, пройдя через правовые, экспертные и междисциплинарные фильтры, все чаще стали представляться в «переведенном» виде, адаптированном к международным нормативным и институциональным требованиям.

Изменение политики в сфере охраны нематериального культурного наследия повысило культурную ценность и символический статус элементов наследия в Армении, создав иллюзию их институциональной защищенности. В результате вопросы дальнейшего сохранения наследия и противодействия новым вызовам, таким как чрезмерная коммерциализация и утрата контекста, нередко оказывались на периферии внимания.

На практике включение элементов наследия в списки ЮНЕСКО часто является в значительной степени символическим направлением культурной политики, а не результатом долгосрочной обоснованной деятельности по их сохранению. Во многих случаях элементы наследия отбираются для номинации не потому, что уже продемонстрирована эффективность существующих мер по их защите, и не потому, что включение в списки ЮНЕСКО является непосредственным ответом на ранее выявленные риски. Прежде всего элементы наследия номинируются потому, что они считаются удобными для международной репрезентации, повышения видимости наследия страны и культурно-дипломатического позиционирования. Включение в список ЮНЕСКО становится основным механизмом признания и легитимации элемента наследия, тогда как повседневные практики его сохранения оказываются вторичными с административной и концептуальной точек зрения. В итоге сохранение наследия трактуется как формальное требование, выполняемое в рамках процедуры номинации, а не как непрерывный публичный политический процесс, на который должна опираться данная процедура.

Библиографические ссылки

1. Smith L. *Uses of heritage.* 1st edition. New York: Routledge; 2006. XIV, 368 p. DOI: 10.4324/9780203602263.

2. Драгичевич-Шешич М, Стойкович Б. *Культура: менеджмент, анимация, маркетинг*. Даниленко Л, переводчик. Новосибирск: Тигра; 2000. 227 с.

3. Драгичевич-Шешич М. Перспективы культурного развития: новые модели общей культурной политики. *Обсерватория культуры*. 2006;2:29–32. EDN: KVMPLF.

4. Антонян Ю, составитель и редактор. *Советская армянская культура: концепт, восприятие и проявления*. Ереван: Издательство Ереванского государственного университета; 2023. 332 с. (на арм.). DOI: 10.46991/YSUPH/9785808426016.

5. Худавердян К. Культурное строительство в Советской Армении в годы первой пятилетки. *Историко-филологический журнал.* 1960;3:65–75 (на арм.).

6. Мирзаханян РК. *Культурная жизнь Советской Армении, 1956–1990 гг.* Лаврой Б, редактор. Ереван: Издательство «Гитутюн» НАН Республики Армения; 2009. 354 с. (на арм.).

7. Мирзаханян РК. Первые шаги формирования культуры Советской Армении (декабрь 1920 г. – февраль 1921 г.). *Вестник общественных наук.* 2015;1:306–317 (на арм.).

8. Мурадян А. Культурная политика Советской Армении в 1950–1960-х гг. *История и культура.* 2018;1:376–383 (на арм.).

9. Меньковский ВИ, Шмигель М, Жеребцов ИЛ. Центральная Азия как исторический регион. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2023;4:54–62. EDN: KOZVZZ.

10. Kirshenblatt-Gimblett B. Intangible heritage as metacultural production. *Museum International.* 2014;66(1–4):163–174. DOI: 10.1111/muse.12070.

11. Lenoe M. *Closer to the masses: Stalinist culture, social revolution, and Soviet newspapers.* Cambridge: Harward University Press; 2004. 325 p. (Russian Research Center studies). DOI: 10.2307/j.ctv1smjv5k.

12. Белошапка НВ. *Государство и культура в СССР: от Хрущева до Горбачева.* Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет»; 2012. 320 с.

13. Саргсян А, Тадевосян А, редакторы. *Нематериальное культурное наследие: классификация и критерии.* Ереван: Издательство «Гитутюн» НАН Республики Армения; 2009. 127 с. (на арм.).

14. Петросян ГЛ. *Хачкар.* Багдасарян Л, переводчик. Ереван: Зангак; 2015. 76 с.

15. Петросян ГЛ. *Хачкар: происхождение, функции, иконография, семантика.* Ереван: Принтинфо; 2008. 406 с. (на арм.).

16. Маркарян ЭС, Арутюнов СА, Барсегян ИА, Енгибарян СЕ, Мелконян ЭЛ, Мкртумян ЮИ и др. *Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры).* Арутюнов СА, Маркарян ЭС, редакторы. Ереван: Издательство АН Армянской ССР; 1983. 319 с.

17. Варданян ЛМ, Саркисян ГГ, Тер-Саркисянц АЕ, редакторы. *Армяне.* Москва: Наука; 2012. 648 с. (Народы и культуры).

18. Арутюнов СА, Мкртумян ЮИ. Вершина хлебопечения – лаваш. В: Арутюнов СА, Воронина ТА, редакторы. *Хлеб в народной культуре: этнографические очерки.* Москва: Наука; 2004. с. 200–209.

19. Тер-Саркисянц АЕ. Традиционная пища армян. В: Арутюнов СА, Воронина ТА, редакторы. *Традиционная пища как выражение этнического самосознания.* Москва: Наука; 2001. с. 119–132.

20. Лисициан СС. *Старинные пляски и театральные представления армянского народа*. *Том 1*. Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР; 1958. XVI, 613 с.

21. Лисициан СС. *Старинные пляски и театральные представления армянского народа*. *Том 2*. Еремян СТ, редактор. Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР; 1972. XI, 501 с.

22. Ахназарян А. *Три монастыря Артаза*. Ереван: Фонд исследования армянской архитектуры; 2012. 368 с. (Научные исследования армянской архитектуры; том 15) (на арм.).

23. Тадевосян А. *Кузнечное культурное наследие города Гюмри.* Ереван: Издательство «Гитутюн» НАН Республики Армения; 2021. 72 с. (на арм.).

Получена 26.03.2026 / исправлена 27.06.2026 / принята 09.07.2026.
Received 26.03.2026 / revised 27.06.2026 / accepted 09.07.2026.